

Вырезка из газеты

ТРУД

ТО КЛП 1987

г. Москва

● Возвращаясь к напечатанному

Если убраться куписы

ДА, ПЕРЕСТРОЙКА — процесс сложный, болезненный, натаквивающийся нередко на нежелание или неумение оценить то, что стало привычным, с иных, сегодняшних точек зрения. Об этом лишний раз свидетельствуют события, последовавшие за публикацией статьи Г. Цитриня «Закуписная история» («Труд», 13.12. 1986 г.). Напомним кратко ее содержание.

Во время зарубежных гастролей заведующий оркестром Большого театра Г. Панюшкин, обладатель ордена, удерживал часть денег, как потом выяснилось, на сувениры. Артист А. Леонов воспротивился, деньги пришлось сжечь. Но заведующий при людях пообещал «припомнить» все в Москве. Сразу по возвращении Леонов был объявлен профессионально непригодным и уволен. Увольнение признали незаконным, и его восстановили. Однако вскоре последовало новое увольнение, также признанное судом незаконным. Автор увидел в этом не рядовой конфликт, а результат нездоровой обстановки, сложившейся в коллективе, где господство глумливых критиков, не было настоящей гласности.

Редакция надеялась, что в оркестре будет дана принципиальная, партийная оценка происшедшему, сделаны выводы, способствующие оздоровлению атмосферы. К сожалению, этого не случилось. Тогда партком театра предложил оркестру провести собрание, чтобы послушать, что скажут люди.

Говорят, такого здесь не припомнят. Бетховенский зал был переполнен. Разговор длился с тремя перерывами без малого одиннадцать часов. Рассказ о нем начнем, пожалуй, с конца. На исходе одиннадцатого часа в зал изрядно поредевшим залом на голосование была поставлена резолюция, которую и приняли. Вот суть этой резолюции: считать выступление газеты предвзятым и потребовать опровержения. Что ж, и «предвзятости» мы еще вернемся. А пока — о собрании, поскольку то, как раздалось в его ходе «опровержение», тоже подтверждает правильность диагноза относительно состояния коллектива, стиля руководства им.

Официальных докладчиков не было. Хотя, впрочем, как сказать. Два первых часа говорили инспектор оркестра А. Валетный и... сам Панюшкин. Достало всем — и газете, которая якобы

искажала факты, и секретарию парткома, народному артисту РСФСР Ю. Григорьеву, который настаивал на тщательном анализе обстановки в коллективе, и УБХСС, где началась тогда проверка финансовых дел заведующего оркестром. «Надо дать бой газете!», воскликнул Валетный. После такой «кувертюры» не каждый рискнет выйти на трибуну с иным мнением. Но здесь рискнули многие: времена иные другие.

Что же говорили люди? Мы хотели бы цитировать по дословно стенограмме, тем более что такая возможность была: по просьбе парткома весь разговор записали на пленку. Но уже наутро генеральный директор театра С. Лушин изъял фонограмму. Видимо, что-то не устраивало в ней администрацию, которая, по сути дела, лишила членов парткома полной и объективной информации.

Приведем для начала различные мнения, снабдив их лишь краткими комментариями.

Н. ДЕМИНА, скрипачка: За время «управления» Панюшкина обстановка в оркестре стала просто нетерпимой. Его приближенным прощались любые прегрешения. Ведь вся власть сосредоточилась в руках заведующего, общественные организации своего слова не говорят. Раньше в оркестр принимали строго по конкурсу, передавали с низшего и более высокому месту по конкурсу. Теперь принимаем в оркестр часто просто по личному заявлению, подписанному заведующим.

А. ВАСИЛЬЕВ, кларнетист: Сейчас, я уверен, откровенно и решительно выступили бы многие, но в коллективе жив еще страх скорого возмездия: ведь Панюшкин пока заведующий. В свое время я обратился с личным заявлением в дирекцию, ставил вопрос о неправомерных действиях Панюшкина. Чем это кончилось? Заведующий потребовал созвать цехком, обвиняя меня в клевете. Мне объявили общественный выговор. Этим примером многих научили: надо молчать!

На собрании говорилось о том, что коллектив резко поделен на друзей заведующего и тех, кто ими не является. Соответственно существуют и две дисциплины. Другими словами: все можно опоздать на репе-

тицию, можно совсем не явиться. Но все знают: обойдется без последствий, заведующий прикрывает. Приводился пример, когда группа музыкантов пришла в канцелярию оркестра и потребовала принять наконец меры и товарищу, систематически нарушающему дисциплину. «Чего, блох пришли ловить?» — заявил заведующий, после чего инспектор Валетный выпроводил людей из кабинета.

Впрочем, заведующий вырубал и не из такого. Например, с трибуны рассказывал о групповой пьянке во время последней гастролей в Париже. Этот факт от парткома театра был скрыт.

Снова дадим слово выступающим.

С. ВАШЕНЦЕВА, заслуженная артистка РСФСР: В назначении на гастролы царит полный произвол. Все решает лично Панюшкин. Чем объяснит он необходимость посылать во все зарубежные гастролы собственную жену? За последние годы самые счастливые гастролы были в Красноярске. Многие тогда восхищались: как хорошо вы играете! А все очень просто: не было с нами Панюшкина и его супруги. Никто никого не трогал, не stalkивал. Была нормальная творческая обстановка...

Убеждена, наш заведующий морально не соответствует занимаемой должности.

Л. ЭПШТЕЙН, скрипачка: Пример Леонова показывает, что в его положение можно поставить любого артиста, неугодного заведующему. Кто заменит ушедших из-за конфликта с ним Ю. Леонова, М. Горбунова, чьи имена украшают сейчас другие коллективы? Из-за неформальной обстановки от нас уходит и перспективная молодежь, уходит, спасая свое человеческое достоинство.

И. СОВЕТОВА, заслуженная артистка РСФСР, зам. секретаря партбюро: Стиль работы заведующего — силовой, недемократичный. Панюшкин участвует в работе бюро не как его рядовой член, а именно как руководитель, часто подавляя и секретаря. Почти все кандидатуры в состав общественных органов подбираются, в сущности, Панюшкиным. Сошлюсь на пример. Осенью 1982 г. ко мне за три дня до отчетно-выборного партийного собрания подошел Панюшкин и предложил «отдохнуть» от партийной работы. Я вынуждена была заявить о самоотводе. Но коммунисты через год вновь избрали меня в бюро.

Мы привели далеко не все выступления с критикой в адрес заведующего, но собраны вместе они не случайно. Так и было в действительности. А вот после получасового перерыва на обед картина резко изменилась: один за другим стали выходить на трибуну те, кто статью не принял. Как это получится, остается только гадать.

Представим иную позицию. Хотя сделать это будет ку-

да труднее. Ведь если первые выходили с определенным анализом ситуации, с фактами, с попыткой осмыслить их, то вторые как бы соревновались в выборе ругательных слов в адрес газеты. Что же вызвало такой гнев? Пожалуй:

— Большой театр — национальная святыня. Это наше дело всем разобраться, зачем же выставлять на всю страну!

Да, Большой был и останется нашей гордостью. Здесь работают прославленные артисты, высочайшей квалификации музыканты. И нынешняя критика в адрес администратора этого положения изменить не может.

Послушаем другие доводы.

А. МАРАСАНОВА, виолончелистка, член цехкома: Панюшкин — талантливый руководитель. Такими людьми нельзя разбрасываться.

А. КЛЕЧЕВСКИЙ, солист оркестра, председатель цехкома: Панюшкин все свое время отдает делу. Кому-то может не понравиться, что он все берет на себя. Но это хорошо!

А. ИВАШКИН, виолончелист: Да, у нас нездоровая атмосфера. Но разве в этом виноват один Панюшкин? У него, конечно, есть перегибы, но надо говорить не только о нем, но и о дирекции театра, о руководителях из министерства.

Э. МИСНИКОВ, солист оркестра, секретарь партбюро: Возмущение Панюшкина — объективно: ведь у нас нет главного дирижера и художественного совета оркестра. Хорошо, что о нем говорили, он делает выводы. У него есть тенденция относиться предвзято к определенным товарищам. Этого не должно быть, заведующий должен быть отцом для всех. Да, он человек тяжелый, но он хороший товарищ для своих друзей (хохот в зале). Что вы смеетесь? Разве плохо, что у человека много друзей?

Нет, Эдуард Леонидович, это хорошо. Плохо другое, плохо, когда дружба превращается в протекционизм, разнузданный коллектив, ломающий нормальные человеческие связи.

Большинство выступавших — против статьи, победно заявил один из самых востребованных артистов заведующего солист оркестра Ю. Рудометкин. Как будто творческие, нравственные вопросы можно решать простым подсчетом голосов. Уж сколько раз приходилось видеть (и в иных творческих коллективах, в театральном мире), как неформальные ситуации пытались расцвести искусственно «спрямляя» острые углы. А как иначе скажешь, если одни поддерживают Панюшкина, призывая к выводу, а другие просто боятся сказать в немилость? Нет, не убеждает такое большинство.

ПРЕВЕМ цитирование. Здесь, пожалуй, самое время поговорить о «предвзятости» газеты. Уловил ли читатель, в чем она? Может быть, хоть один

оратор сказал о хорошей обстановке в оркестре? Нет, не сказал. Может быть, кто-нибудь заявил, что созданы все условия для товарищеской критики? И это никто не осмелился утверждать. Выходит, автор публикации правильно нацупил болевые точки: всевластие заведующего, принижая роль общественных организаций, отсутствие критики. Так не правильнее ли говорить о предвзятости тех, кто не хочет заметить очевидное, кто и на собрании пытался оторвать обсуждение статьи от положения в коллективе? И не напрасно ли надеется секретарь партбюро, что заведующий сделает выводы?

Ведь на собрании после острой критики в свой адрес он не считал нужным выйти на трибуну и выразить свое к ней отношение. Как будто ее и не было. Видимо, по-прежнему уверен: друзья и начальство не дадут в обиду. Да и зачем делать выводы, если многоглаголюющая теория, поместив отчет о собрании, ни одним словом не обмолвилась о содержании критики? (Зато полностью вблуждала текст постановления, двести третьего которого на собрании вообще не зачитывалось). Зачем делать выводы, если и Министерство культуры СССР до сих пор не ответило на выступление газеты?

А теперь поговорим об «опровержении». Здесь не хочется предъявлять особых претензий к участникам собрания. Как его информировали о судебном деле Леонова, так оно и отреагировало. А главным информатором оказался юрист-консульт театра М. Полунеев. В оркестре он, правда, не играет, но выступил на собрании пришел. Пришел спасать заведующего, причем теми же методами, которыми буквально несколько месяцев назад пытался спасти от разоблачения бывшего председателя профкома театра И. Селезнева, ныне снятого с работы со строгим партийным замечанием за злоупотребление служебным положением и подлог в корыстных целях. Разница лишь одна: в том случае Полунеев дезинформировал партком театра (в связи с чем решено возбудить его персональное дело), а ныне ввел в заблуждение целый коллектив, заявив, что автор якобы извратил судебные материалы. Неправда: факты, приведенные в статье, подтверждены документально.

Кое-кто возмущен: как мог автор обвинить Панюшкина чуть ли не в уголовном преступлении? Нет, такого обвинения в статье не было (это дело иных органов). В статье шла речь о другом. Человеку, которому доверено руководить людьми, должен обладать таким обязательным качеством, как щепетильность. Он никогда не поставит себя в положение, дающее малейший повод заподозрить его в нечестности.

А ведь в такое положение заведующий попадал не раз. Выезжая на гастролы за рубеж, артисты, естественно, получают гонорар в валюте и, естественно, что-то покупают. И здесь Панюшкин нашел применение своим организаторским способностям. Например в Италии, договорившись с фирмой, привез в свой гостиничный номер для продажи артистам дублени. За сколько купил, за сколько продал — теперь даже милиция разобраться не может.

Таким вот дела. О какой щепетильности можно говорить?

Мы не торопились с публикацией этого материала, рассчитывая, что в коллективе смогут все же глубже взглянуть на проблему. И вот закончила работу комиссия парткома. На основе изучения документов и бесед с артистами она пришла к таким выводам. Статья в «Труде» поднимает наиболее важные вопросы жизни коллектива оркестра. Изложенные с ней факты никем не опровергнуты. Заведующему присущи авторитарный стиль работы, элементы субъективизма в отношении к артистам, отсутствие гласности и самокритичности. Отмечено, что общественные организации оркестра проявили беспринципность в решении острых вопросов жизни коллектива. Все это, по мнению комиссии, усугубило здесь нездоровый морально-психологический климат. Комиссия поставила перед парткомом вопрос об укреплении руководства оркестром, о партийной оценке действий секретаря партбюро и председателя цехкома.

Однако это предложение, поддержанное секретарем и другими членами парткома, не собрало большинства и принято не было. Против него, в частности, проголосовали три заместителя генерального директора, являющиеся членами парткома, один из которых — В. Тихонов — возглавлял комиссию и... подписывал ее выводы. В каком случае он был принципиальным и искренним?

Итак, от серьезнейшей критики, с которой люди открыто выступили на собрании, просто отмахнулись. Ее предложено рассмотреть в самом оркестре. Но если этого не сделано за месяцы, прошедшие после публикации в газете, то уже не приходится рассчитывать на то, что без посторонней помощи здесь адруг будет проявлена принципиальность.

Болезнь по-прежнему загоняется внутрь. Видимо, требуется авторитетное вмешательство, чтобы помочь коммунистам, всеми здоровыми силами преодолеть негативные тенденции, которые, кстати, дают себя знать не только в коллективе оркестра.

Н. КИШКИН,
редактор газеты «Труд»
по отделу пропаганды.